

ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ПУШКИНА И В. Ф. ОДОЕВСКОГО

1. Вокруг «Современника»

Вопрос взаимоотношений Пушкина с ближайшими его сотрудниками по «Современнику» — Н. В. Гоголем, В. Ф. Одоевским, А. А. Краевским — до сих пор остается в числе спорных. Поэтому всякое свидетельство, хоть сколько-нибудь проясняющее эту непростую проблему, представляет особый интерес.

В 1952 г. Ю. Г. Оксман опубликовал неизвестное до того времени в печати письмо Одоевского и Краевского к Пушкину, в котором издателю «Современника» предлагался проект преобразования его журнала в связи с задуманным авторами письма однотипным с «Современником» изданием «Русский сборник». Переоценить значение столь важного документа трудно. Однако многое в нем нуждалось в комментарии; характер же интерпретации неизбежно диктовал ту или иную «реконструкцию» сложившихся к этому времени отношений корреспондентов. Предложенная тогда Оксманом концепция (о ней речь пойдет ниже), предопределявшая негативное отношение к участникам этого важного эпизода в истории пушкинской журнальной деятельности, представляется сегодня спорной и нуждается, как нам кажется, в пересмотре.

Что касается Краевского, то характер его связей с Пушкиным достаточно полно был освещен В. Орловым.¹ Кстати, он высказал мысль о том, что Краевский безвозмездно сотрудничал в пушкинском «Современнике» не без дальнего «прицела», рассчитывая, очевидно, что поэт «впоследствии вознаградит его труды сотрудничеством в том журнале, создание которого было предметом неусыпных забот Краевского в 1836—1837 годах».² История же отношений поэта с Одоевским именно в этот период кажется до сих пор не до конца проясненной — во всяком случае, противоречивость существующих точек зрения побуждает еще раз вернуться к данному вопросу.

События, стремительно и драматично развернувшиеся вокруг «Русского сборника» к концу лета 1836 г. и впрямую коснувшиеся «Современника», зрели исподволь довольно долго. Однако последовательная их нить, важные, хотя порой и едва уловимые нюансы теперь утрачены и с трудом поддаются восстановлению. Многие представляется нам сегодня алогичным или загадочным: загадка запрещения, казалось бы, заведомо благонамеренного издания, предпринятого благонамеренными издателями, соседствует с загадкой отношений внутри делового «треугольника» — Пушкин — Одоевский — Краевский, сложившихся (или не сложившихся?) к этому времени. Следует также помнить, что если контакты Пушкина и Краевского были глубоко деловыми, то с Одоевским поэта связывали и единый литературный и светский круг, и дружеская приязнь, омрачавшаяся, правда, временами легкой пушкинской иронией в адрес странных литературных и философских пристрастий князя. Почему Пушкина не оказалось в числе предполагавшихся участников «Русского сборника» и в то же самое время он выразил готовность активно способствовать «оживлению» «Московского наблюдателя» — по инициативе и плану тех же Одоевского и Краевского? Все эти вопросы очень значительны, ибо они касаются Пушкина и его журнального

© Турьян М. А. Из истории взаимоотношений Пушкина и В. Ф. Одоевского // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1983. — Т. 11. — С. 174—191.

© «Im Werden Verlag». Некоммерческое электронное издание. Мюнхен. 2006
<http://imwerden.de>

детища; они касаются, наконец, и общественной репутации одного из «честнейших и добрейших» русских писателей — Владимира Федоровича Одоевского.

Постараемся же еще раз разобраться в ситуации, сложившейся вокруг Пушкина и его «Современника» летом 1836 г. Для этого необходимо вернуться немного назад и вкратце напомнить основные предшествующие события.

В конце 1835 г. был задуман — скорее всего, П. А. Вяземским, А. В. Веневитиновым и В. Ф. Одоевским — журнал «Северный зритель», восходивший к более раннему совместному проекту Пушкина и Одоевского — «Современному летописцу политики, наук и литературы» (начало 1835 г.). В «Северном зрителе» намеревался участвовать и Пушкин, однако замысел этот не удался, что, очевидно, ускорило решение поэта обратиться за дозволением на издание собственного журнала. 14 января 1836 г. таковое было им уже получено, и вскоре появилась первая печатная информация, лаконично извещавшая о том, что «Александр Сергеевич Пушкин в нынешнем, 1836 году будет издавать литературный журнал под названием „Современник“». Все предполагавшиеся сотрудники «Северного зрителя», включая и его инициаторов, перешли к Пушкину.³

Однако это чисто литературное издание альманашного типа никоим образом не снимало вопрос об энциклопедическом журнале. Поэтому неудивительно, что идея осуществления «Северного зрителя» не угасла — ее подхватил молодой журналист А. А. Краевский при не очень активной поначалу поддержке протезировавшего ему Одоевского. Намерения свои Краевский первое время держал в тайне, но уже 16 февраля 1836 г. Одоевский писал в Москву С. П. Шевыреву: «Краевский думает с 1837 года издавать большой энциклопедический журнал (но это секрет) — и „Наблюдатель“ хорошо бы сделал, если бы к нам присоединился. Мы вам доставим нашу программу и наши условия».⁴ Краевский также делится этими планами с одним из «наблюдателей» — приятелем своим В. П. Андросовым и 4 марта получает от него ответ: «Секрет ваш я принял к сердцу. Дай Бог, чтобы ваша затея не походила на многое другое на нашей святой Руси, даже и на наше <...> На „Современник“ вам надеяться не должно. Если „Современник“ будет хорош и пойдет удачно, т. е. выгодно, то едва ли Пушкин выпустит его из рук; если же обманет общие ожидания, то такое приготовление почвы будет для вас не прибыльно. Мой опытный совет — не надеяться ни на кого, заготовить самим или приготовить бедную трудящуюся молодежь».⁵ Примечательно здесь, между прочим, и другое: уже в самом начале возникла идея кооперирования с «братией московской» — довольно близкой еще в ту пору к пушкинскому окружению редакцией журнала «Московский наблюдатель», шедшего, однако, не очень успешно.

11 апреля 1836 г. появился первый том «Современника». Приветствуя начинание Пушкина и будучи связанным с ним предыдущими журнальными замыслами, Одоевский принял живое участие в хлопотах по изданию, хотя «ни одной строчки <...> пера» его в этом томе и не появилось: Пушкин мягко, но определенно отклонил предложенные ему отрывки, которыми был «не очень доволен», — «Сегелиель» и «Разговор недовольных». Вместе с тем, ценя публицистический дар Одоевского, во втором номере он намеревался поместить сразу две критические статьи его, причем одной из них, «О вражде к просвещению», — «дельной, умной и сильной» — собирался даже открыть том.⁶

Как известно, необыкновенно деятельно работал Одоевский в «Современнике» в период подготовки второго тома. В отсутствие Пушкина, находившегося тогда в Моск-

ве, он вместе с П. А. Плетневым взял на себя не только редакторские, но и организационные и типографские хлопоты. По всем вопросам, связанным с журналом, Пушкин в это время адресует именно к Одоевскому, предоставив все на его усмотрение. «Скажи ему (Одоевскому, — М. Т.), чтоб он печатал как вздумает», — писал поэт Наталье Николаевне 11 мая.⁷ В этом томе, в частности, как и предполагалось, была напечатана и статья Одоевского «О вражде к просвещению», которую Пушкин мыслил в качестве программной.

Именно тогда впервые появился в «Современнике» и Краевский — он был приглашен в помощь П. А. Плетневым, и сразу по возвращении из Москвы Пушкин писал молодому журналисту: «Не имею слов для изъяснения глубочайшей моей благодарности — Вам и <князю> Одоевскому».⁸ Характерно, что в обращении Пушкин перепутал имя и отчество адресата (Александр Андреевич вместо Андрей Александрович) — молодой человек был еще ему едва знаком. Однако с этого времени Краевский становится деятельным помощником Пушкина — третий и четвертый номера журнала поэт готовит при его участии.

Тем не менее это обстоятельство никак не повлияло на честолюбивые помыслы Краевского о самостоятельном издании: при всей заманчивости сотрудничества с Пушкиным роль его в журнале была, естественно, второстепенной. 29 мая 1836 г. Андросов пишет Краевскому: «Хлопочите, мой любезный Андрей Александрович, кроме желания я с своей стороны буду хлопотать для „Зрителя“, сколько мои силы и средства допустят».⁹ В дальнейшей переписке будущий журнал получает наименование «Русский сборник».

Вернемся, однако, к Одоевскому. В свое время Ю. Г. Оксманом была выдвинута получившая распространение версия о том, что в связи с проектом издания «Русского сборника» в отношениях Пушкина и Одоевского произошло заметное охлаждение, выразившееся, в частности, в демонстративном уклонении Одоевского от участия в III и IV томах «Современника».¹⁰ Эта точка зрения вызывает серьезные сомнения; подтверждают их и новые данные, которые мы можем присоединить сегодня к фактам уже известным.

Для этого обратимся к двум запискам Пушкина к Одоевскому, относившимся ранее исследователями к осени 1836 — началу зимы 1837 г. Первая из них касается повестей Одоевского «Сильфида» и «Княжна Зизи».

«Конечно, „Княжна Зизи“, — пишет Пушкин, — имеет более истины и занимательности, нежели „Сильфида“. Но всякое даяние ваше благо. Кажется, письмо тестя холодно и слишком незначительно. Зато в других много прелестного. Я заметил одно место знаком (?) — оно показалось мне невразумительно. Во всяком случае, „Сильфиду“ ли, „Княжну“ ли, но оканчивайте и высылайте. Без вас пропал „Современник“».¹¹

По нашему мнению, записка эта могла быть написана только в конце мая — июне 1836 г., и просьба Пушкина прямо связана как раз с третьим томом журнала, который он начинал в это время готовить. Мотивируется это следующим образом. Пушкин говорит о повестях Одоевского как о незаконченных, но, по всей видимости, близких к завершению, причем обращает на себя внимание тот факт, что пушкинская оценка явно несет на себе отпечаток живого, сиюминутного впечатления. Очевидно, что Одоевский дал свои произведения Пушкину на предварительный просмотр, но сделать это он мог лишь в конце мая — июне, так как Пушкин вернулся из Москвы в Петербург 24 мая (к этому времени второй том журнала был уже практически готов и печатался), Одоевский же собирался в Ревель, где и намеревался, очевидно, закончить обе повести. Уехал он вероятнее всего между 16 июня и 1 июля,¹² и Пушкин, судя по всему, о предстоящем отъезде знал, так как только с этим обстоятельством могут быть связаны его слова «оканчивайте и высылайте» — бессмысленные, если бы оба оставались в

пределах одного города. Срочность же («Без вас пропал „Современник“») может быть объяснена только необходимостью успеть получить повесть для третьего тома, который должен был выйти в сентябре.

Исследователей, однако, настораживал тот факт, что ни одна из этих повестей тем не менее при жизни Пушкина в его журнале не появилась. Но тому были свои причины. Несомненное предпочтение, отданное Пушкиным «Княжне Зизи», побудило, по всей вероятности, Одоевского сразу отказаться от мысли опубликовать «Сильфиду» в «Современнике». Только этим можно объяснить тот факт, что примерно тогда же он обещает ее Шевыреву. «На днях пришлю вам повесть, — пишет он в Москву 12 июня, — за которую пришлите мне что можете наравне с прочими, если NB это вас не разорит».¹³ Кстати, это письмо дает известные основания для дальнейшего уточнения времени написания приведенной записки Пушкина — до 12 июня 1836 г., т. е. до отправки Одоевским письма Шевыреву. То, что речь в письме к Шевыреву идет именно о «Сильфиде», выясняется из дальнейшего: Одоевский действительно закончил повесть в Ревеле (она помечена: Ревель, 1836), 25 августа она прошла уже цензуру¹⁴ и сразу, очевидно, была отправлена в Москву, но ее не напечатали и в «Московском наблюдателе». 23 сентября 1836 г. В. П. Андросов писал по этому поводу Краевскому: «„Сильфиду“ <...> я получил <...> но, буду откровенно говорить с вами: касса моего „Наблюдателя“ не в таком завидном состоянии к концу года, чтобы платить приличным образом за такие статьи. По одежке протягивай ножки. Что делать, мой любезный Андрей Александрович?.. Причина эта и удерживает меня печатать „Сильфиду“, которая, на мои глаза, вещь превосходная, хотя и недовольно полно развитая».¹⁵ Кривил ли душой Андросов, скрывая истинную причину отказа Одоевскому, или говорил правду — в данном случае дело не в этом. Так или иначе, «Сильфиде» суждено было, видно, увидеть свет все же на страницах «Современника», но уже после смерти первого его издателя: повесть была опубликована в пятом, посмертном номере пушкинского журнала.

Что касается «Княжны Зизи», то ее Одоевский завершить летом 1836 г. не успел; судя по тем данным, которыми мы располагаем, закончена она была много позже и увидела свет лишь в 1839 г.¹⁶

Вторая из интересующих нас записок Пушкина — в несколько строк: «Вот Вам декабрь».¹⁷ Благодарю за статью — сейчас сажусь за нее. Повесть! Повесть!».¹⁸

Написана она была, вероятно, в те же дни, что и первая, следом за ней, потому что здесь содержится настойчивое напоминание об обещанной «дани» («Повесть! Повесть!»). Что касается статьи, о которой пишет Пушкин, то в это время могла идти речь лишь о статье Одоевского «Как пишутся у нас романы». Задуманная первоначально как рецензия на роман А. П. Степанова «Постоялый двор», она предназначалась для второго тома «Современника». Однако в отсутствие Пушкина Одоевский, фактически формировавший окончательно содержание тома, придержал ее из-за существенных переделок (скорее всего по замечаниям Пушкина), которые он, очевидно, не успел закончить в срок.¹⁹ По возвращении Пушкина из Москвы статья была ему показана в переработанном виде — по-видимому, произошло это перед самым отъездом Одоевского, так как, судя по записке, Пушкин именно поэтому и торопился прочитать ее. Не поспевшая во второй том, статья явно готовилась Одоевским в третий, где и была опубликована под названием, близким к предложенному ранее Пушкиным (пушкинский вариант: «О некоторых романах»). Таким образом, не имея возможности из-за отъезда быть помощником Пушкину в подготовке третьего тома, лепту свою тем не менее Одоевский в этот том внес.

Таковы объективные факты, касающиеся вопроса об участии Одоевского в третьем томе «Современника». Однако здесь были и иные, существенные нюансы. Одоевский безусловно, несмотря на благоговейное отношение к Пушкину и преданность ему, не чувствовал себя в его журнале «дома». Литературные вкусы и пристрастия их

не совпадали. Пушкин, ценя в Одоевском публициста, в целом прохладно относился к его беллетристике, и Одоевский, как мы видели, далеко не всегда получал «приют» на страницах «Современника». С другой стороны, пушкинский «Современник» не соответствовал представлениям Одоевского об универсальном журнале, где можно было бы дать выход разносторонним — не только литературным, но и философским, и научным — интересам.

Немаловажным представляется и еще одно обстоятельство. Одоевский был небогат, жил только службой и всегда был заинтересован в литературном заработке, для него существенном. Так, посылая в «Московский наблюдатель» своего «Себастьяна Баха» и извиняясь, что не может дать его «даром», он писал С. П. Шевыреву: «...теперь открывается навигация и мне нужны книги, а ведомо вам буде, что я книги могу покупать только за те деньги, которые выручаю за свои сочинения».²⁰

Все это, конечно, поддерживало в нем стремление к самостоятельному журнальному начинанию, — стремление, подогреваемое, очевидно, в немалой степени и Краевским: без авторитетного имени и связей Одоевского ему, начинающему журналисту, было не обойтись.

Однако, как мы увидим ниже, намерения эти совершенно не исключали продолжение сотрудничества с Пушкиным.

Одоевский вернулся из Ревеля в Петербург в начале августа, и попытка осуществить издание «Русского сборника» вступила в свою последнюю фазу. Желая заручиться предварительной поддержкой, Одоевский и Краевский просили В. А. Жуковского быть ходатаем за новый журнал перед председателем Главного управления цензуры С. С. Уваровым.

Просьбу Жуковского обещали уважить, и 16 августа в Цензурный комитет было подано официальное прошение. К этому времени первоначальный проект ежемесячного энциклопедического журнала преобразовался в кварталник типа «Современника»; правда, при этом установка на «энциклопедичность» сохранялась. Возможно, такая трансформация явилась результатом предварительных переговоров, и будущим издателям во имя полученных гарантий²¹ пришлось своими планами поступиться.

Параллельно с хлопотами о собственном издании и в связи с ними Одоевский и Краевский обратились к Пушкину с предложением о преобразовании «Современника». Детально разработанный план преобразования они изложили в совместном письме, с упоминания о котором мы начали наше изложение. Теперь, чтобы остановиться на нем подробно, необходимо вкратце напомнить его содержание. Сводится оно к следующему: основываясь на том, что «существование двух журналов, в одном и том же духе издаваемых, может только вредить им обоим», Одоевский и Краевский предлагали Пушкину преобразовать «Современник» в ежемесячный журнал энциклопедического характера, в котором они на правах соиздателей хотели бы всецело оставить за собой «ученую часть», Пушкину же отдать в полное распоряжение литературную. При этом авторы проекта брали на себя и все хозяйственные хлопоты. Поставленные условия, по мысли публикатора письма Ю. Г. Оксмана, предполагали отстранение Пушкина от общественно-политической части издания, что было, по его мнению, «глубоко продуманной тактической операцией». Такая точка зрения дала Ю. Г. Оксману основание расценить письмо как ультиматум, предъявленный Пушкину с тем, чтобы в угоду правительству ограничить издательскую и редакторскую независимость поэта, как попытку «купить его безоговорочную капитуляцию перед Уваровым». Согласно предположению исследователя, замысел «Русского сборника» возник и формировался втайне от Пушкина, и Пушкин предложенные ему условия отверг. В этой ситуации Одоевскому и Краевскому «ничего больше не оставалось, как уйти из „Современника“, передав Уварову все материалы, необходимые для утверждения их в правах редакторов-издателей „Русского сборника“». И лишь запрещаю-

щая издание резолюция Николая I — «И без того много» — «избавила Одоевского и Краевского от противопоставления „Современнику“ затеянного ими рептильного органа».²²

Таким образом, роль Одоевского — кстати, полностью отождествленная Оксманом с ролью Краевского, — выглядела в этой истории, по мнению исследователя, весьма неблагоприятно. Его позиция по отношению к Пушкину была определена как резко оппозиционная и по существу своему реакционная. Более того, логика очерченных отношений в качестве естественного и неизбежного финала предполагала полный разрыв. Между тем на память сразу приходят общеизвестные факты, тому противоречащие: и сердечный тон ноябрьских-декабрьских (1836 г.) писем Пушкина к Одоевскому, с которым он, судя по всему, поддерживал самые тесные отношения, и деятельное участие Одоевского в подготовке — еще совместно с Пушкиным — пятого тома «Современника», и попытка его выступить осенью 1836 г. на страницах «Московского наблюдателя» в защиту Пушкина и его журнала. Лицемерие же, как известно, решительно было не в характере Одоевского, и подозревать его в этом просто невозможно.

Если учесть к тому же изложенную выше «предысторию», есть все основания предположить, что дело обстояло, очевидно, несколько иначе, и указанные, как и многие другие, моменты в концепции Ю. Г. Оксмана нуждаются в фактическом уточнении. Позиция его вызывала уже неоднократные возражения,²³ однако она нашла и своих сторонников.²⁴ Правда, ни те, ни другие ни разу не возвращались к тексту самого письма (лишь Р. Б. Заборова внесла в него частное, но очень существенное текстологическое уточнение),²⁵ и попыток иного его прочтения с тех пор предпринято не было. Именно это в первую очередь мы и попытаемся сделать.

Прежде всего, как явствует из текста самого письма, Пушкину было хорошо известно как о замысле «Русского сборника», так и о типе предполагавшегося издания: «Русский сборник» в письме не назван впрямую; о программе же его лишь напоминает вскользь, а вовсе не сообщается впервые («существование двух журналов, в одном и том же духе издаваемых»). Следовательно, ни о каких «тайных» кознях за спиной Пушкина речь идти не может, тем более что и идея реорганизации «Современника» также была довольно широко известна. 29 августа 1836 г. А. Ф. Воейков писал по этому поводу Краевскому: «О, как я молю Бога, чтобы осуществились слухи, по которым вы, соединясь с Пушкиным и Одоевским, примете с наступающего нового года живое участие в „Современнике“, не имеющем и полутора ста иногородних подписчиков! Тогда издавайте его в 24, а не в 4-х книжках».²⁶ К этому свидетельству вездесущего журналиста в данном случае стоит прислушаться, так как похоже, что оно могло явиться отголоском разговоров о согласии Пушкина на реорганизацию «Современника». Во всяком случае основные факты предложенного Пушкину проекта переданы в письме Воейкова точно: преобразование журнала намечалось осуществить начиная со следующего, 1837 г. и соиздателями его названы трое: Пушкин, Одоевский и Краевский.

Здесь заново возникает проблема датировки письма, от которой в значительной мере зависит решение важнейшего вопроса о его интерпретации. Как известно, авторская дата в нем отсутствует; Ю. Г. Оксман датировал его началом августа 1836 г. Эта дата опиралась как раз на понимание письма как «угрозы» и «ультиматума», и она представляется сомнительной.

В поисках ответа вновь обратимся прежде всего к самому письму. Императивное его начало: «Убежденные в том, что существование двух журналов, в одном и том же духе издаваемых...» — заставляет предположить, что у корреспондентов Пушкина были известные основания не сомневаться в успехе задуманного предприятия. Такая уверенность, как мы видели, могла появиться у них лишь перед самой подачей официального прошения, когда им была обещана поддержка Уварова, т. е. около 16 августа

та, а еще вероятнее, после заседания Цензурного комитета, состоявшегося 17 августа. Удостоверившись, «что предполагаемое издание сходствует с обыкновенными повременными сочинениями», члены Цензурного комитета не высказали со своей стороны возражений и постановили об окончательном «дозволении сего журнала представить на высочайшее государя императора разрешение».²⁷ С этого момента вплоть до отказа, последовавшего ровно через месяц — 16 сентября — и явившегося для Одоевского и Краевского полной неожиданностью, у них не было оснований сомневаться в успехе. Эта уверенность и нашла свое прямое выражение на страницах письма к Пушкину, и написано оно могло быть скорее всего в этот период. Если же предположить, что приведенное выше письмо А. Ф. Воейкова действительно явилось отголоском слухов о письме Одоевского и Краевского Пушкину, то время написания последнего можно ограничить концом августа. При этом естественно предположить, что издатели нового журнала вовсе не ставили осуществление своего проекта в связь с согласием или несогласием Пушкина на преобразование «Современника», а значит и не предъявляли ему никаких ультиматумов — в этом для них просто не было необходимости.

Нельзя при этом игнорировать, очевидно, и тот немаловажный факт, что отказано было в самостоятельном издании двум наиболее активным сотрудникам пушкинского журнала — отказано, несмотря на всю кажущуюся их благонадежность и наличие высоких ходатаев. Была ли это, как склонны иногда думать, простая случайность? Вряд ли. Стоит внимательнее приглядеться и к тому, как — несколько странно для покровителя — повел себя Уваров.

Это становится особенно наглядным, если обратиться к «келейной» записке Одоевского и Краевского Уварову, сопровождавшей представление «Русского сборника», — записке, которую, кстати, им так часто инкриминируют. Обращает на себя внимание и то, как она озаглавлена: «Записка об издании книги под названием „Русский сборник“, с принадлежащим к нему Литературным Летописцем», — и самое ее начало: «„Русский сборник“ не принадлежит собственно к периодическим изданиям, как по малому числу своих томов, так и потому, что не выходит в срочное время, и, следовательно, издатели на основании общих узаконений могли бы издать сие собрание статей обыкновенным порядком, без предварительного дозволения правительства...».²⁸ Далее следуют уклончивые объяснения по поводу того, отчего авторы «Записки» все же решили обратиться в официальные органы за таким «дозволением», всячески стараясь при этом отвести напрашивающиеся подозрения в том, что затевается именно журнал, а не некое «издание», как они его туманно называют. Однако совершенно явно видно, что это была лишь наивная уловка — явно потому, что ни ей, ни заверениям в благонамеренности не поверили. Помета Уварова на проекте «Русского сборника»: «Это просто Журнал — а программа сходствует со всеми программами Журналов» — по существу означала, что он акцентирует внимание как раз на том, что авторы проекта всячески старались завуалировать и что в царившей тогда в печати «свинцовой» атмосфере неминуемо должно было поставить новое предприятие под угрозу. Так оно и произошло. Не случайно, что именно это определение нового издания — «журнал» — дважды прозвучало и во «всепоподданнейшем» докладе министра Николаю I. При самой, казалось бы, успокоительной характеристике будущих издателей здесь говорилось, что «Главное управление цензуры не нашло препятствия к позволению этого журнала, тем более что принимающие на себя обязанность главных редакторов, будучи известны с весьма хорошей стороны по образу мыслей и способностям, подают надежду, что предпринимаемый ими журнал будет иметь хорошее направление».²⁹ Не наносился ли тем самым скрытый и тонко продуманный удар Пушкину? Этот вывод, прямо противоположный оксмановскому, напрашивается невольно. В противном случае трудно вообразить себе Уварова и Николая I защитниками интересов поэта — против Одоевского!

Чтобы иметь возможность объективно оценивать сложившуюся ситуацию, необходимо учесть еще два момента: прежде всего, существовала полная неясность относительно дальнейшей судьбы «Современника», разрешенного лишь на один год. После выхода в свет первых двух номеров недостатки журнала дали уже о себе знать; ограниченность тематического диапазона невольно ориентировала его лишь на узкий, элитарный круг — широкой читательской аудитории «Современник» не завоевал.

Кстати, это сразу подметил Белинский. Он же, между прочим, предрек и «неуспех» журналу, т. е. невозможность его «нравственного влияния на публику» в силу самого характера издания, обуславливающего необыкновенно долгие интервалы между книжками; это он почитал главным недостатком «Современника».³⁰ В этой связи уже высказывалось мнение о том, что проект преобразования «Современника», предложенный Одоевским и Краевским, «отвечал интересам Пушкина». Не исключено, что он мог возникнуть и как следствие каких-то предварительных общих разговоров с ним.³¹ Кроме того, остается совершенно неизвестной и реакция на письмо самого Пушкина — во всяком случае никаких свидетельств (кроме косвенного — Воейкова) тому не сохранилось, и, следовательно, судить о том, отверг ли он сделанное ему предложение или нет, мы не можем. Представляется вероятным также, что Пушкин мог отложить окончательное обсуждение предложенного ему проекта до получения Одоевским и Краевским официального разрешения на новое издание. Неожиданное же запрещение не только не облегчило положения Пушкина, поставленного перед необходимостью принятия кардинальных решений, но, напротив, необычайно его усложнило. Дело в том, что вслед за резолюцией Николая I 28 сентября был издан специальный указ о запрещении каких бы то ни было ходатайств на издание новых журналов.³²

По воспоминаниям И. И. Панаева, «с этой минуты никакие просьбы о новых журналах не принимались и существовавшие журналы стали перепродаваться за значительные суммы». Очевидно, уже после отказа в издании «Русского сборника» — еще до последовавшего за этим цензурного циркуляра — обстановка в редакции «Современника» воцарилась тревожная. Высочайшее запрещение означало не только крах далеко идущих планов Краевского или давней мечты Одоевского о собственном энциклопедическом журнале; реальная угроза нависла и над «Современником». В этих условиях Пушкин, еще только что отказавшийся от участия в «Русском сборнике» — вероятнее всего, по причине заботы прежде всего о портфеле собственного журнала, — солидаризируется с Одоевским и Краевским в возобновленных ими переговорах с «наблюдателями» о получении хотя бы частичных издательских прав на уже существующий, но вот-вот готовый развалиться журнал. Еще в конце мая 1836 г. Андросов писал Краевскому: «Если <...> вы не добудете вашего „Зр<ителя>“ — то мы поговорим пообстоятельнее о „Наблюдателе“». Это уже дело начатое и пока что идет как-нибудь и может идти лучше».³³ Однако характерно, что лишь в тревожные сентябрьские дни идея эта обрела конкретные очертания и вылилась в конкретные переговоры несостоявшихся издателей «Русского сборника», представлявших на этот раз не только личные интересы, но и интересы пушкинского круга, с москвичами. 25 сентября С. П. Шевырев, еще не ведавший грозы, приветствуя в письме к Краевскому новый журнал и признавая в неизбежности близкой «тризны» по «Московскому наблюдателю», предлагал «всем собраться, уложить самолюбие, сделать уступки в выгодах, да основать издание решительно хорошее».³⁴ А уже через три дня, 28 сентября, в день выхода злополучного указа, Одоевский садится за примечательное письмо в Москву к тому же Шевыреву, в котором, напротив, вместо «тризны» предлагает конкретные варианты «оживления» «Наблюдателя» с помощью петербуржцев. Среди них в первую очередь Одоевский называет, кроме себя, Жуковского и Краевского, — Пушкина. Вряд ли Одоевский давал это ответственное обещание Шевыреву без предварительного со-

гласия поэта. Если так, то становится очевидным, что сотрудники «Современника», включая и его издателя, в сложившейся ситуации начали предпринимать серьезные и активные поиски журнальных «резервов»: возможность получить разрешение на выход «Современника» в следующем году представлялась безнадежной, «Московский наблюдатель» же в таковом разрешении не нуждался. В этой мысли утверждает нас и тот факт, что в числе других вариантов Одоевский предлагал Шевыреву и частичный перевод издания «Московского наблюдателя» в Петербург. Очевидно, вариант этот также предварительно обсуждался в узком пушкинском кругу, во всяком случае ясно, что Одоевский выступает с этим предложением не только от своего лица: «...будем-те издавать пополам — одну книжку вы, другую мы, — пишет он Шевыреву, — или же одну часть вы, а другую мы».³⁵ Любопытно, что спешные переговоры с Москвой подкреплялись параллельно и перепиской Краевского о Андросовым, ответившим 1 ноября своему корреспонденту принципиальным согласием, — именно они оба и явились авторами основного проекта перевода «Наблюдателя» в Петербург.³⁶ Как видим, в данном случае почти одновременно с событиями вокруг «Русского сборника» Пушкин, Одоевский и Краевский вновь выступили единым фронтом. Все это делает маловероятным предположение о разрыве отношений между Пушкиным и Одоевским в результате истории с «Русским сборником».

Факты личных дружеских контактов Пушкина с Одоевским на протяжении последних месяцев жизни поэта общеизвестны и не нуждаются здесь в повторении. Представляется даже, что в этот период отношения их стали особенно тесными. Предприняв осенью 1836 г. попытку выступить на страницах «Московского наблюдателя» в защиту Пушкина и его «Современника», Одоевский настойчиво объяснял Шевыреву, что напечатать его статью «весьма не худо».

На основании собранных фактов Р. Б. Заборовой высказывалось предположение, что в «борьбу с журнальными врагами Пушкина Одоевский вступил с ведома и одобрения самого поэта».³⁷

Все это говорит о том, что историю с «Русским сборником» следует рассматривать как один из примечательных и весьма характерных эпизодов в истории журналистики 1830-х годов. Выделяется он, пожалуй, лишь своим накалом и драматической развязкой, едва не сказавшейся самым пагубным образом на пушкинском «Современнике». Ведь не случайно, по свидетельству Жуковского, Пушкин объявил подписку на свой журнал на 1837 год, не имея на то формального права. Это был шаг дерзости и отчаяния, — шаг, в котором, кстати, своей помощью в подготовке первого «нелегального» тома его поддержал Одоевский.

2. «...Видел я скромную отшельницу...» (из комментария к переписке)

Поздней осенью 1833 г., добравшись, наконец, до Болдина после странствий по пугачевским местам, Пушкин писал оттуда Одоевскому: «Теперь донесу вашему сиятельству, что, будучи в Симбирске, видел я скромную отшельницу, о которой мы с вами говорили перед моим отъездом. Не дурна. Кажется, губернатор гораздо усерднее покровительствует ей, нежели губернаторша. Вот все, что мог я заметить. Дело ее, кажется, кончено».³⁸

Долгое время считалось, что речь в этом письме идет о Екатерине Алексеевне Одоевской, матери писателя, бывшей вторично замужем за Павлом Дмитриевичем Сеченовым и, по свидетельству П. И. Бартенева, «терпевшей от мужа неверность».³⁹ Однако по внимательном прочтении подобное объяснение кажется зыбким и не очень убедительным, и многое в этом коротком пассаже остается загадочным. Насто-

раживает, прежде всего, игривый, почти фривольный тон письма, вряд ли уместный и позволительный, если бы речь действительно шла о матери Одоевского. Неизвестным было до сих пор и самое существо «дела», происшедшего вдали от Петербурга, но каким-то образом близко касавшегося все же Одоевского, если он решился выбрать Пушкина — в ту пору лишь светского своего знакомого — в поверенные и прибегнуть к его содействию. Правда, способствовало тому стечение обстоятельств: собираясь в Оренбуржье, Пушкин намеревался побывать и в Симбирске, гражданским губернатором которого был А. М. Загряжский, дальний родственник Н. Н. Пушкиной. О его «покровительстве» «скромной отшельнице» и пишет поэт Одоевскому.

Все эти сомнения явились естественным стимулом дальнейших поисков действительной «героини» таинственного «дела». В «большом» академическом (XVII, 249, 399), а ранее в десятитомном собрании сочинений Пушкина было названо новое имя — некоей Варвары Ивановны Кравковой, бежавшей из родительского дома в Симбирск, в монастырь, с помощью отчима Одоевского.⁴⁰ Комментарий по необходимости ограничился этими скудными сведениями, делавшими историю еще более загадочной. В самом деле, какова связь между Одоевским, услугой, оказанной Сеченовым какой-то неизвестной Кравковой, и симбирским губернатором Загряжским? Что должен был «заметить» Пушкин в доме последнего по просьбе Одоевского? Совершенно очевидно, что строки пушкинского письма наводят нас на один из неизвестных эпизодов биографии Одоевского, в который — думается, в числе немногих — оказался посвященным Пушкин. Более того, строки эти неожиданно открывают не выходящую до сих пор на поверхность весьма существенную сторону семейных отношений писателя.

Обратимся, однако, к документам.

Из объяснительной записки П. Д. Сеченова:⁴¹ «По находению моему в городе Саранске в должности полицмейстера девицу Варвару Ивановну Кравкову узнал я в Саранске в квартире ее родных в последних числах минувшего ноября месяца, когда они проезжали к родственнику своему г-ну Метальникову в Ардатовский уезд, да вскоре после того еще случайно там же видел в гостях зятя их Метальникова в селе Репьевке, куда я заехал по знакомству с ним по пути, отправляясь к новой должности моей в г. Сызрань.⁴²

Тут по случаю бывших именин сына Метальникова и по убеждению их пробыл я 6-е, 7-е и 8-е числа сего месяца...».

Из объяснительной записки В. И. Кравковой:⁴³ «Там (в Репьевке, — М. Т.), заметив он (Сеченов, — М. Т.) печальный вид мой и задумчивость, с видом сострадания спрашивал меня о причине оною; а как я со временем хотя краткого знакомства нашего слышала от всех похвальный отзыв о благородстве в поступках и склонности к добру, а особенно о сострадании к несчастным, то без всякого сомнения открыла ему непреодолимое желание посвятить себя единственно Богу в каком-либо монастыре, сказав ему о том, что хотя я и убеждала на увольнение меня моих родных не один раз, но они о том и слышать не хотели; вместе с тем просила его увезти меня тайно в Симбирск, где я поступлю в монастырь и родителей моих о том уведомя...».

Далее, по показаниям обоих, разнящимся лишь в незначительных, но характерных деталях, события развивались следующим образом. Несмотря на отговоры Сеченова, представлявшего молодой девице «тягость монашествующих» и «тяжкую горесть» родных (показания Кравковой) и предупреждения, что тайный их отъезд и совместное путешествие могут вызвать «злослышные толки» (по словам Сеченова), Кравкова все же настояла на своем. Тогда, простившись с хозяевами, Сеченов раздобыл тройку и на рассвете следующего дня тайно подкатил к дому Метальникова, где в условленный час его уже ждала беглянка. Дорогою они, как явствует из обоих объяснительных записок, «нигде не останавливались, ни даже для ночлега и отдыха, кроме перемены лошадей» и, прибыв в Симбирск вечером следующего дня, устро-

ились на ночлег в разных местах. Однако вслед беглецам уже неслась погоня — брат Кравковой, корпуса инженеров прапорщик Дмитрий Кравков, настиг их в Симбирске и, во всеуслышание обвинив саранского полицмейстера в похищении его сестры и «оскорблении чести рода», потребовал поступить с ним «по всей законной строгости». Ранним утром, поднятые со своих постелей, предстали Сеченов и Кравкова перед симбирским губернатором А. М. Загряжским. Сеченов, поддержанный виновницей происшествия, пытался отвести от себя обвинения в «соблазнении» девицы, как человек, «обязанный супружеством, чему едва ли есть пример между людьми низкого класса». Кравкова уверяла, что, не согласись Сеченов на ее просьбу, она «решилась бы на всякую крайность». Не открыв, однако, «тайную причину» своего поступка, она повторила губернатору желание «посвятить себя Богу», дабы просить «небесное благословение» для всех своих родных, а себе — прощение их за «невозвратное навсегда удаление» в «святую обитель». Смиренная, но непреклонная воля «скромной отшельницы» немедля была исполнена — стараниями губернатора ее определили в Спасский женский монастырь.

Однако «дело» «об оскорблении рода» Кравковых на этом отнюдь не закончилось. Кравковы требовали возмездия. Началось разбирательство, принимавшее для П. Д. Сеченова все более угрожающий характер. На пути к новой должности городничего в Сызрани, куда он держал путь, возникло злополучное село Репьевка — в Сызрань его теперь не пускали. Расследование возглавлял сам Загряжский, и отношения с ним у Сеченова складывались не лучшим образом. Вначале, казалось, все шло «довольно сносно», но затем, по уверению «обвиняемого», губернатор «по одной лишь трусости и мягкости <...> характера совершенно все испортил», дав «делу» «другое направление». Через четыре недели, т. е. примерно в начале января 1833 г., в Петербург министру внутренних дел Д. Н. Блудову была отправлена составленная Загряжским докладная об этом чрезвычайном происшествии, без всяких, по словам Сеченова, «защищающих» его подробностей и с «недопущением до должности».⁴⁴ Однако Сеченов, предчувствуя недоброе, принял свои меры — одновременно с докладной министру в Петербург полетела от него к влиятельному пасынку «просьба с приложенными бумагами» с тем, чтобы тот непременно доставил их «по принадлежности». Правда, при этом Сеченов горделиво отказывался от заступничества Одоевского, считая, что «правое» его дело и без того оправдает его «пред лицом <...> высшего начальства, которое имеет в виду одно лишь сострадание <...> и добрые наклонности к несчастной жертве».⁴⁵ Между тем история эта, дававшая столь богатую пищу для кривотолков, приняла уже скандальную огласку и с поразительной быстротой достигла столицы. Фигурировало в ней и имя Одоевского как ближайшего родственника «героя» происшествия.

Тем временем выяснились новые подробности. 16 января 1833 г. В. И. Кравкова написала на имя симбирского полицмейстера еще одну объяснительную записку:

«От вступившей в Спасский монастырь из дворян девицы Вар<вары> Иван<овны> дочери Кравковой».⁴⁶

По требованию вашего высокоблагородия имею честь объяснить, что мое непреодолимое желание было вступить в монастырь с того самого дня, <как>⁴⁷ я узнала решительный отказ, сделанный моими родителями сватавшемуся за меня князь Роману Петровичу Сатиану,⁴⁸ к которому я питала чувства моей страстной любви <...> Сия причина и столь жестокая побудила положить на себя клятву переменить жизнь и посвятить себя Богу...».

В тот день, когда девица Кравкова открыла, наконец, «тайную причину» своего удаления в «святую обитель», из Петербурга в Сызрань было отправлено письмо — достойное, чтоб привести его полностью.

В. Ф. Одоевский писал П. Д. Сеченову:⁴⁹ «До меня дошли слухи, почтеннейший Павел Дмитриевич, что вы в Симбирске для своей защиты употребляете мое имя, рассказываете о моем небывалом влиянии в Министерстве, что чрез меня вы получили место и пр. пр. Вы не можете себе представить, до какой степени эти слухи меня огорчили; а когда они дойдут до министра, тогда произведут самое невыгодное и для меня, и для вас действие; такое самохвальство с моей стороны, воспользовавшись его благосклонностию к моим работам, есть такое для меня уничижение, которого бы я ввек не желал испытать. Я предвидел это пред вступлением вашим в службу. Я знал, как понимают это всегда в провинциях; я тысячу раз толковал вам на письме и на словах, что я решительно не имею никакого влияния в Министерстве и никогда не захочу иметь его, ибо это не мое дело, что мое дело это работать, работать и только, что благосклонность министра ко мне есть благосклонность начальника к чиновнику, усердно трудящемуся, а совсем не та благосклонность, какую понимают в провинциях, где не понимают другой службы, кроме интриг и происков; что если б я и захотел когда-нибудь решиться на какие-либо происки, то они не произвели бы никакого действия на моего начальника; и что, следственно, вам никогда не должно надеяться на мое предстательство и заступничество <?> как по характеру моего начальника, так и по собственному моему характеру. Вы пренебрегли моими советами и поставили меня в самое мучительное положение. Я не смею глаз показать министру теперь уж; вообразите себе, что будет тогда, когда он будет иметь все право назвать меня самохвалом; сколь приятно мне будет это состояние — разыгрывать пред моим начальником ролю лицемера, который во зло употребляет его снисхождение, торгует им; и кому же — мне? Мне, человеку, который осмеливается⁵⁰ громко смеяться над интриганам и пройдохам и во всеуслышание презирать их? Нет! ввек я не думал дойти до такой степени унижения. — Вы знаете, Павел Дмитриевич, что я не богат, не имею сильных родных, — имею одно: мое чистое, честное, незазорное имя, которое я ни от кого не получил, но приобрел сам и беспрестанным следованием за собою и разными пожертвованиями. Как вам известно — все мне вздор, и имение, и места, кроме моего имени. — Именем Бога, пощадите его, мое единое сокровище, уважайте его и не бросайте его людям, которых один язык будет уже для меня осквернением. Не удивитесь, если вы вслед за сим письмом получите от меня уведомление, что я подал в отставку. Вы знаете мои правила: я не могу служить более с начальником, которого лишусь доверенности. — Мы не поняли с вами друг друга, почтеннейший П<авел> Д<митриевич>».

Повторяю вам мой совет: действовать в вашем деле просто, не напрашиваться в Сызрань, не ссориться с губернатором. Одна правота вашего дела и прямота ваших поступков может спасти вас.

Растолкуйте мне, ради Бога, какую выгоду имеют Кравковы преследовать вас, я этого понять не могу. Вы пишете мне о том, о чем нечего писать, а о нужном умалчиваете».

Очевидно, что письмо это и бумаги, посланные из Симбирска в Петербург, разминувшись в пути; не зная еще об отстранении отчима от должности, Одоевский наугад адресовал письмо по месту нового его назначения, но оно попало к адресату спустя лишь четыре месяца... Тем не менее, в силу особых — не только родственных — обстоятельств, связывавших писателя с Сеченовым, письмо это является уникальным в своем роде документом, ярко характеризующим личность Одоевского. Но оно требует особого комментария.

Безупречность и щепетильность Одоевского в вопросах чести и долга общеизвестны, и страх его за свое доброе имя, замешанное в истории весьма двусмысленного свойства, понятен — с этой точки зрения, казалось бы, в письме не открывается ничего нового. Однако на самом деле все обстояло гораздо сложнее. Одоевский попал в труд-

ное положение. Страстная его отповедь Сеченову требовала известного мужества, так как, дойди письмо до адресата вовремя, оно могло бы повлечь за собой неприятные для Одоевского последствия. «Как вам известно, все мне вздор, и имение, и места, кроме моего имени», — смысл этих слов должен был быть хорошо понятен Сеченову. Упоминание об имении было самым больным. Родовое гнездо Одоевских Никольское в Ветлужском уезде Костромской губернии да 443 души при нем давно были заложены в Московском опекуном совете и именно сейчас, в разгар описываемых событий, должны были быть перезаложены с тем, чтоб погасить хотя бы необходимейшие из многочисленных долгов. Управляя делами имения П. Д. Сеченов — на него возлагалась вся надежда. Еще до злополучной истории с Кравковой у Одоевского с отчимом было, очевидно, условлено, что тот едет в Никольское и Москву для нелегких хозяйственных и юридических хлопот. Более того, ему предстояло «принять в опеку» и имение Сергея Степановича Ланского, тогдашнего владимирского и костромского губернатора и брата Ольги Степановны Одоевской. Материальное положение Одоевских было к тому времени критическим. Незадолго до того, в конце декабря, Одоевский писал отчиму: «Я новый год встречаю в полном смысле без гроша. Судите о моем положении — закладывать ни мне, ни жене уже больше нечего; все ее брильянты и серебро в ломбарде». И здесь же просьба повидаться с некими Гандини (очевидно, заимодавцами), рассказать им о поездке в Ветлугу и заверить, «что первые деньги будут для них».⁵¹

В этой ситуации письмо Одоевского приобретает особую значимость.

Однако, как мы сказали, волею случая оно попало к адресату много позже. К концу же января, когда дело Кравковой было уже отправлено в Петербург и оставалось только ждать решения судьбы «высшим начальством», Сеченов покидает «проклятый город Симбирск» и отправляется, как и предполагалось ранее, в Никольское. Теперь он может писать Одоевскому «прямее и откровеннее». Как бы предваряя вопрос о причине преследования Кравковых, Сеченов сообщает пасынку, что это — «семейство распутное, пьяное и буйное» и что он по вине губернатора стал жертвой людей, «понимающих лишь одно золото». «...а которого у меня, — продолжает он, — было не очень много, то мы и не сошлись, да и считал за ненужность кому-либо дать».⁵² Позже в письме к другу-конфиденту он живописал Кравковых еще выразительнее, почитая дом их средоточием «распутства и всякого гнусного разврата, пьянства и нахальства, до такой степени доходившего, что кавалеры сего семейства позволяли себе ходить полунагими и врать с плеча по имени»; и посреди этого «развратного общества» — «девушка образованная, милая, с чувством высокой добродетели».⁵³ Именно такую версию Сеченов усиленно поддерживает и в письмах к Одоевскому, считая, что «за правду и помочь доброму человеку есть <...> обязанность и святой долг» его пасынка.⁵⁴

Всю зиму и весну Сеченов — то в Никольском, то в Костроме и Москве — рьяно занимается имением Одоевского, находившегося, судя по всему, в весьма плачевном состоянии. «С помощью Бога надеюсь в мой приезд <...> удержать имение в порядочном распоряжении, — пишет он в феврале в Петербург, — предохраня их от голода и смерти», ибо Костромская губерния «в бедствии», и «все степные давно едят мякину».⁵⁵ «В имении твоём я нашел бесхлебие», — сообщает он Одоевскому в другой раз.⁵⁶

«Меда для вас приготовленного 2 пуда нашел в Никольском и разругал, что его к вам не послали <...> грибов, рыжиков и груздей ни у кого не нашлось, даже и у старожил господ помещиков ветлужских, но маленькую кадочку авось мы с Баевым отыщем»,⁵⁷ — примерно к этому, очевидно, и сводился весь доход от имения, так как в остальном, как жаловался Сеченов, «с тощим народом» ему было «не сладить», да и попытки спасти положение, похоже, ничего лучшего не сулили: «Олену Левоновну

я успокоил, — писал он Одоевскому 21 февраля, — равно и Гандини получит, но то жаль, что, кажется, тебе ничего не останется».⁵⁸

Сеченов регулярно и подробно сообщает Одоевским ход хозяйственных дел и со все нарастающим беспокойством и настойчивостью, в ожидании «верного известия», в каждом письме вопрошает, «к чему <...> должен себя готовить».

Одоевский, однако, упорно молчит. Томясь неизвестностью, видя, что «убедительнейшие просьбы» не имеют должного действия, Сеченов пытается подстегнуть пасынка иным способом. «Жду непременно твоего ответа в Москву, — пишет он, направляясь туда из Костромы, — и дотоле не выеду, пока не узнаю чего-нибудь о себе доброго или худого <...> в Москве же мне необходимо по твоим делам остаться дней 10».⁵⁹ Через неделю — еще настойчивее: сообщая, что те же — по делам Одоевского — хлопоты могут его удержать в Москве, заявляет, что рискует из-за этого «по службе получить неудовольствие»; а посему он просит: «...ради Бога, напиши в Симбирск чрез кого-нибудь побудительнее, я по сие время от 20 декабря решительно не знаю ничего ни о тебе, ни о себе и делах моих, поспеши меня чем-нибудь порадовать».⁶⁰ И, наконец, 27 февраля сообщает о том, что, кажется, не может остаться без ответа: «К святой вместо яйца надеюсь прислать квитанции из Совета к вам в выкупе имения».⁶¹

Одоевский, мучимый, очевидно, сомнениями и двойственностью положения, все еще медлил с ответом. Если вспомнить свидетельство П. И. Бартенева о том, что Екатерина Алексеевна Одоевская «терпела от мужа неверность», то, вероятно, и у ее сына были основания сомневаться в интерпретации событий отчимом. Не случайно закончил он свое январское письмо Сеченову характерным упреком: «Вы пишете мне о том, о чем нечего писать, а о нужном умалчиваете». Истинная подоплека дела все еще оставалась для него неясной — хотя, похоже, бумаги, присланные отчимом, были им внимательно изучены. Во всяком случае на копии объяснительной записки В. И. Кравковой, сохранившейся в его архиве, значится карандашная помета его рукой: «Объяснение дев<и>цы Кравковой»; тем же карандашом в тексте отчеркнуты места, свидетельствующие в пользу невиновности Сеченова.⁶² Так или иначе, но официальный Петербург по-прежнему хранил молчание — вплоть до мая, когда симбирский губернатор получил, наконец, уклончивое министерское предписание «озаботиться скорым окончанием дела Сеченова». Сам же Сеченов к этому времени возвращается в Симбирск, и здесь-то и получает письмо Одоевского от 16 января. Письмо это, очевидно, всерьез испугало его своей суровостью и максимализмом, так как в спешном своем ответе он просит князя «не расстраивать» его со всем «семейством и их расположением дорогим», без чего жизнь ему «будет в тягость и на всю <...> жизнь упреком». В том же письме, выражая недоумение по поводу того, что в Петербурге происшествие его принято «за событие ужасного и невероятного», Сеченов приводит новые доказательства своей «невинности», сообщая при этом, что «дело хотя и медленно идет», но «чисто и ясно» его оправдывает.⁶³ Во всяком случае он уже допущен если и не в Сызрань, то «до окончания должности» в один из ближайших городов Симбирской губернии. Однако при столь, казалось бы, со слов Сеченова, безусловной его правоте расследование подвигалось все же подозрительно медленно, и лето не принесло существенных сдвигов.

Тон писем Сеченова заметно меняется. «Изнуренный ожиданием», он заверяет пасынка, что готов делать для него что только может «доброе», лишь бы тот не оставил его. Параллельно сыпятся просьбы похлопотать о его назначении то в Вышний Волочек, то в Рыбинск — последняя просьба прикрыта наивно-лукавым мотивом близости Рыбинска к имению князя, что позволило бы ему, Сеченову, еще прилежнее блюсти интересы Одоевского. Сызрань, хотя все еще недостижимая, казалась тем не менее Сеченову недостойной его возможностей.

10 сентября 1833 г. в день, когда в Симбирск прибыл Пушкин, Сеченов в отчаянии сообщал Одоевскому о том, что расследование только лишь теперь передано из земского суда в уездный, что этому «конца не будет», и просил «научить», что ему делать. При этом он по-прежнему заверяет «любезного друга князя Владимира Федоровича», что дело его «столь чисто и столь справедливо», что «не могут ни к чему прицепиться», в противном случае его «давно бы упекли в уголовную и определили бы в угодность Кравкова им назначенное <...> наказание», так как у того «карманы толсты», а у него, Сеченова, «едва-едва дышут». ⁶⁴

Еще раньше, зимой, когда «дело» только началось, Сеченов неоднократно и настойчиво подсказывал Одоевскому верный путь к благополучному исходу: «Опять тебе повторяю, князь, — писал он в феврале, — найти кого-нибудь поважнее для Загряжского и написать обо мне <...> попроси, кто с ним знаком, кого просьба подействует на Загряжского и тем ко мне будет снисхождение». ⁶⁵ Возникало имя губернатора в его письмах к пасынку и позже. Судя по течению «дела», тогда Одоевский его просьбе не внял. Неожиданная же поездка Пушкина в Симбирск, родственные отношения его с Загряжским, в доме которого он предполагал остановиться, — все это было едва ли не единственной и слишком соблазнительной возможностью получить, наконец, сведения о происшедшем из верных рук. Видно, о большем, т. е. о прямом ходатайстве перед губернатором, речь не шла и на этот раз. Судя по всему, версия отчима по-прежнему вызывала у Одоевского недоверие, и неслучайно. Спустя почти год Пушкин неожиданно внес в нее совсем иные акценты, существенно меняющие картину, и хотя бы отчасти объясняющие, отчего щекотливое это дело так затянулось и приняло столь неприятный оборот, с разбирательством в земском и уездном судах, отстранением Сеченова от должности, даже угрозой ареста, отчего оно дошло до Петербурга — до самого министра внутренних дел Д. Н. Блудова, лично входившего в его разбирательство и решавшего судьбу отчима другого своего подчиненного — князя В. Ф. Одоевского.

Уже по окончании «дела» Сеченов, все еще переживавший его перипетии и волновавшийся восстановлением своей репутации, сообщая о случившемся одному из близких своих друзей, писал между прочим следующее: «Сей девице от роду 22 года; не думай, чтоб была красавица, совсем нет, но мила, любезна, умна и добра, вот что заставило меня впутаться в столь неприятное дело <...> поверь моей чести, что одно сострадание было виною исполнения с моей стороны ее требования». ⁶⁶ «Не дурна» — коротко, но выразительно охарактеризовал девицу Кравкову Пушкин, и это его свидетельство — думается, безусловно достоверное — невольно бросает тень сомнения на пылки уверения Сеченова в «одном сострадании». Далее у Пушкина — как бы в подтверждение впечатления, произведенного на него Кравковой: «Кажется, губернатор гораздо усерднее покровительствует ей, нежели губернаторша». Слова эти не менее определенно должны были объяснить Одоевскому и причину непомерно горячего участия Загряжского в судьбе новоиспеченной послушницы, принятой в губернаторском доме, невзирая на атмосферу скандала вокруг ее имени.

Не забудем, что Пушкину история Кравковой была уже известна от Одоевского — разумеется, в версии Сеченова, основного его информатора. Как видим, быстрый и верный пушкинский глаз уловил иное... В таком контексте самое его определение «скромная отшельница» приобретает едкий и иронический смысл. Обращает на себя внимание и тот факт, что в пушкинском письме вовсе не упоминается Сеченов — разговор с Одоевским перед отъездом был лишь о «скромной отшельнице». Возможно, Одоевский догадывался, что разгадка истины — в личности таинственной «героини», и на это в первую очередь была направлена его просьба к Пушкину.

К моменту появления поэта в Симбирске история Кравковой все еще не утратила своей остроты. Напротив, как раз во время его пребывания там симбирское общество получило новую пищу для разговоров: бежал от отца в Грузию простым солда-

том брат Варвары Ивановны Дмитрий Кравков; мать их, получив наследство, решила оставить мужа и жить отныне «с изгнанниками», о чем написала дочери в монастырь, сказав при этом о своем супруге много дурного. Письмо это ходило в Симбирске по рукам — к несомненной выгоде Сеченова, как документ, немало говорящий в его пользу. Думается, эти последние обстоятельства положили начало перелому в отношении к незадачливому саранскому полицмейстеру; даже сам архиерей оказал ему честь своим посещением, да и губернатор стал принимать в нем «сильное участие» и сожалеть, что так его «изуродовал».⁶⁷

Все это, очевидно, и дало Пушкину основание счесть дело фактически конченным, хотя формально оно протянулось еще до декабря.

К концу сентября Одоевский сообщил Сеченову, что тот «оправдан в мнении <...> министра»,⁶⁸ а 22 декабря из Симбирска в Петербург было отправлено последнее торжествующее письмо:

«Любезный друг, князь Владимир Федорович, — писал Сеченов, — наконец мое дело кончено и самой уголовной палатой признано допустить меня до должности <...> Я, словом, оправдан пред целым миром в моей невинности и принят в лучшее общество как человек, пострадавший без вины».⁶⁹

История, длившаяся ровно год, причудливо вовлекшая в свою орбиту Одоевского, едва не подавшего из-за нее в отставку, Пушкина, министра Блудова, история, распространившаяся от безвестного села Репьевки Ардатовского уезда до Симбирска и Петербурга, подошла, наконец, к финалу. Думается, «герои» ее в известном смысле были достойны друг друга. Пушкин уловил это с поразительной точностью. Не сказав почти ничего — сказал все. И теперь, верно, уже другими глазами будем мы читать его игривые строки: «Видел я скромную отшельницу...».

¹ Орлов Вл. Молодой Краевский. — В кн.: Орлов Вл. Пути и судьбы. Л., 1971, с. 449—504.

² Там же, с. 458.

³ Все эти вопросы впервые подробно и доказательно освещены в статье: *Могиланский А. П.* А. С. Пушкин и В. Ф. Одоевский как создатели обновленных «Отечественных записок». — *Известия АН СССР. Серия истории и философии*, 1949, т. VI, № 3, с. 209—226.

⁴ Там же, с. 214.

⁵ *Литературное наследство*, т. 58. М., 1952, с. 291.

⁶ См. письмо Пушкина В. Ф. Одоевскому от начала (не позднее 5-го) апреля 1836 г.: *Пушкин. Письма последних лет. 1834—1837*. Л., 1969, с. 131.

⁷ *Пушкин. Письма последних лет*, с. 137—138.

⁸ Письмо написано около (не ранее) 25 мая 1836 г., см.: *Пушкин. Письма последних лет*, с. 142.

⁹ Цит. по: *Могиланский А. П.* А. С. Пушкин и В. Ф. Одоевский..., с. 213.

¹⁰ *Литературное наследство*, т. 58, с. 294—295.

¹¹ *Акад.*, XVI, 210, с датой: «Конец ноября—декабрь 1836 г.»; *Пушкин. Письма последних лет*, с. 158—159, с датой: «Октябрь (?) 1836 г.».

¹² См. наш комментарий к указанному письму Пушкина к В. Ф. Одоевскому от конца мая—июня 1836 г. в кн.: *Переписка А. С. Пушкина*, т. 2. М., 1982, с. 440—441.

¹³ ГПБ, ф. 850 (С. П. Шевырева), № 408, л. 5.

¹⁴ ЦГИА, ф. 777, оп. 27, ед. хр. 200, л. 32.

¹⁵ ГПБ, ф. 391 (А. А. Краевского), № 152, л. 45 об.

¹⁶ Впервые опубликована: *Отечественные записки*, 1839, т. I, отд. III, с. 3—70.

¹⁷ Вероятнее всего, имеется в виду декабрьский номер «Московского наблюдателя» за 1835 г., вышедший в свет в 20-х числах марта 1836 г. Пушкин, конечно, привез его из Москвы и, очевидно, препровождал Одоевскому вместе с запиской.

- ¹⁸ Акад., XVI, 214, с датой: «Декабрь 1836 г. — начало января 1837 г.»; *Пушкин. Письма последних лет*, с. 167, с датой: «Начало декабря 1836 г.».
- ¹⁹ См. письмо Пушкина В. Ф. Одоевскому от начала (не позднее 5-го) апреля 1836 г. и наш комментарий к нему в кн.: *Переписка А. С. Пушкина*, т. 2. М., 1982, с. 436—437.
- ²⁰ ГПБ, ф. 850 (С. П. Шевырева), № 408, л. 29.
- ²¹ На первой странице программы «Русского сборника», поданной в Цензурный комитет, имеются пометы рукой С. С. Уварова: «От В. А. Жуковского» и «Мною обещано» (см.: *Могилянский А. П. А. С. Пушкин и В. Ф. Одоевский...*, с. 217).
- ²² *Литературное наследство*, т. 58, с. 295.
- ²³ См., например, резонные возражения М. И. Гиллельсона (в кн.: *Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины»*. М., 1972, с. 214—215, 312), который, опираясь на новые данные, строит совершенно иную, чем у Оксмана, картину отношений Пушкина и Одоевского. Ср. также: *Заборова Р. Б. Неизданные статьи В. Ф. Одоевского о Пушкине*. — В кн.: *Пушкин. Исследования и материалы*, т. I. М. — Л., 1956, с. 313—342.
- ²⁴ См.: *Еремин М. Пушкин-публицист*. Изд. 2-е. М., 1976, с. 408—412.
- ²⁵ *Заборова Р. Б. Неизданные статьи В. Ф. Одоевского о Пушкине*, с. 328.
- ²⁶ Отчет имп. Публичной библиотеки за 1891 г. СПб., 1894, Приложение, с. 3—4.
- ²⁷ Цит. по: *Могилянский А. П. А. С. Пушкин и В. Ф. Одоевский...*, с. 219.
- ²⁸ Там же, с. 218.
- ²⁹ *Русская старина*, 1903, № 3, с. 588—589.
- ³⁰ *Белинский В. Г. Полн. собр. соч.*, т. II. М., 1953, с. 179; см. также с. 233—238.
- ³¹ См. доклад В. В. Ерофеева на Третьей Пушкинской конференции в июне 1951 г.: *Известия АН СССР. Отделение литературы и языка*, 1951, т. X, вып. 5, с. 521—522. См. также: *Заборова Р. Б. Неизданные статьи В. Ф. Одоевского о Пушкине*. — В кн.: *Пушкин. Исследования и материалы*, т. I. Л., 1956, с. 329; *Пушкин. Письма последних лет*, с. 437; *Орлов Вл. Молодой Краевский*, с. 460.
- ³² *Могилянский А. П. А. С. Пушкин и В. Ф. Одоевский...*, с. 219—220.
- ³³ Цит. по: *Орлов Вл. Молодой Краевский*, с. 473.
- ³⁴ Там же, с. 467—468.
- ³⁵ См. письмо В. Ф. Одоевского С. П. Шевыреву от 28 сентября 1836 г.: ГПБ, ф. 850 (С. П. Шевырева), № 408, л. 7—9. Частично опубликовано: *Могилянский А. П. А. С. Пушкин и В. Ф. Одоевский...*, с. 220.
- ³⁶ Подробнее см.: *Орлов Вл. Молодой Краевский*, с. 473—474.
- ³⁷ См.: *Заборова Р. Б. Неизданные статьи В. Ф. Одоевского о Пушкине*, с. 330.
- ³⁸ Письмо от 30 октября 1833 г. (XV, 90).
- ³⁹ А. С. Пушкин. *Новонайденные его сочинения...*, вып. 2. К биографии А. С. Пушкина. М., 1885, с. 113, примеч. 7.
- ⁴⁰ *Пушкин А. С. Полн. собр. соч.* в 10-ти т., т. X. М. — Л., Изд. АН СССР, 1949, с. 727 (комментарий И. М. Семенко).
- ⁴¹ ГПБ, ф. 539 (Одоевского), оп. 2, № 1453, л. 1—3 (копия). Записка без даты и без указания адресата, но, судя по ее содержанию, а также по переписке Сеченова с Одоевским этого периода, написана она была, как и первая объяснительная записка В. И. Кравковой, в десятых числах декабря 1832 г.
- ⁴² В литературе укоренилась ошибочная версия, согласно которой П. Д. Сеченов служил в это время в Симбирске градоначальником (см.: *Пушкин. Письма*, т. III. 1815—1833. Под ред. и с примеч. Л. Б. Модзалевского. М. — Л., 1935, с. 654; *Черейский Л. А. Пушкин и его окружение*. Л., 1975, с. 283). Этой должности он никогда не занимал, а был лишь на короткое время — осенью 1833 г. — прикомандирован к симбирской полиции (см.: ГПБ, ф. 539 (В. Ф. Одоевского), оп. 2, № 988, л. 34).
- ⁴³ ГПБ, ф. 539, оп. 2, № 1453, л. 1—2 (копия).
- ⁴⁴ Письмо П. Д. Сеченова В. Ф. Одоевскому от 25 января 1833 г., см.: ГПБ, ф. 539, оп. 2, № 988, л. 15.
- ⁴⁵ ГПБ, ф. 539, оп. 2, № 988, л. 14.
- ⁴⁶ Там же, № 1453, л. 5 об.
- ⁴⁷ Восстановлено по копии.

⁴⁸ По всей видимости, это искаженная фамилия грузинских князей Асатиани.

⁴⁹ ГПБ, ф. 539, оп. 2, № 1459, л. 2—3 (копия рукой О. С. Одоевской).

⁵⁰ Текст от слов: «громко смеяться...» до слов: «имею одно: мое...» вписан рукой Одоевского.

⁵¹ ГПБ, ф. 539, оп. 2, № 1459, л. 7 об. Письмо не датировано, но есть все основания предполагать, что оно было написано 20 декабря 1832 г., так как в своем письме Одоевскому от 14 февраля 1833 г. Сеченов писал: «...о себе решительно ничего не знаю и от вас от 20 декабря ни слова не имею» (там же, № 988, л. 18); об этом же говорится в письме от 21 февраля (там же, л. 7—8). О том, что Сеченов имеет в виду цитируемое нами письмо Одоевского, свидетельствуют его февральские письма.

⁵² Письмо от 25 и 27 января 1833 г., см.: ГПБ, ф. 539, оп. 2, № 988, л. 15.

⁵³ ГПБ, ф. 539, оп. 2, № 988, л. 112—112 об. (копия). Имя адресата неизвестно. Письмо — очевидно, не полностью — сохранилось в бумагах В. Ф. Одоевского в копии, сделанной его рукой и частично рукой О. С. Одоевской с пометой: «Выписка из письма сызранского городничего Сеченова» (там же, л. 112—113).

⁵⁴ ГПБ, ф. 539, оп. 2, № 988, л. 15 об.

⁵⁵ Письмо от 3 февраля 1833 г., см.: ГПБ, ф. 539, оп. 2, № 988, л. 16.

⁵⁶ Письмо от 14 февраля <1833 г.>, см.: ГПБ, ф. 539, оп. 2, № 988, л. 18 об.

⁵⁷ Письмо от 3 февраля 1833 г., см.: ГПБ, ф. 539, оп. 2, № 988, л. 17 об.

⁵⁸ ГПБ, ф. 539, оп. 2, № 988, л. 7 об.—8.

⁵⁹ Письмо от 14 февраля <1833 г.>, см.: ГПБ, ф. 539, оп. 2, № 988, л. 18—18 об.

⁶⁰ Письмо от 21 февраля <1833 г.>, см.: ГПБ, ф. 539, оп. 2, № 988, л. 7 об.

⁶¹ Письмо от 27 февраля <1833 г.>, см.: ГПБ, ф. 539, оп. 2, № 988, л. 21. Имение, однако, выкуплено не было. В 1836 г. оно было переведено в Петербургский опекунский совет (см. письмо Одоевского к С. П. Шевыреву от 12 июня 1836 г.: ГПБ, ф. 850 (С. П. Шевырева), № 408, л. 4—6), а к 1852 г. продано для уплаты долгов (см. формулярный список В. Ф. Одоевского на 1852 г.: ЦГИА, ф. 472, оп. 34, ед. хр. 20, л. 146—148).

⁶² ГПБ, ф. 539, оп. 2; № 1453, л. 1—2 (копия).

⁶³ ГПБ, ф. 539, оп. 2, № 988, л. 10—11.

⁶⁴ Там же л. 34—35.

⁶⁵ Письмо от 3 февраля <1833 г.>, см.: ГПБ, ф. 539, оп. 2, № 988, л. 17 об.

⁶⁶ ГПБ, ф. 539, оп. 2, № 988, л. 113 об.

⁶⁷ Там же, л. 34—35.

⁶⁸ Там же, л. 37.

⁶⁹ Там же, л. 51.